

УДК 32.019.5

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор; руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; *m-oleg-m@yandex.ru*)

ВОРОНКОВА Ольга Алексеевна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5; *olga.voronkova1001@mail.ru*)

СЕТЕВОЙ ДИСКУРС И ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ

Аннотация. Сетевой дискурс, быстро ускоряющийся и развивающийся благодаря технологической цифровой основе, реконструирует всю систему социально-политических отношений. Сетевой дискурс-анализ призван дать ответ на вопросы, как социальные сетевые сообщества могут через дискурс изменять ментальные репрезентации социальных и политических событий и отношения власти. Динамика социально-политических отношений, по мнению авторов, реализуется в направлении от политики гегемонии, дискурса господства к договороспособности как в сфере власти, так и в сфере социума. Процессы сетевой коммуникации объективно способствуют преодолению тенденций консервации, застоя и отката как в социальной, так и политической сферах и постепенной, эволюционной демократизации социально-политических отношений.

Ключевые слова: сетевой дискурс, информационно-коммуникативный выбор, символическая элита, ментальная модель, трансформация отношений власти, власть-господство, власть-влияние, манипуляция сознанием, легитимация власти

Статья подготовлена в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (рег. номер 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

В политических системах, построенных на принципе доминирования одной группы людей над всем обществом, социальное знание есть производное от религиозных или идеологических догматов или символических конструкций, их замещающих. Социальное знание эпохи Модерна, по М. Фуко, — это не продукт объективации индивидуально конструируемых смыслов, напротив, субъективные смыслы есть преломленный продукт идеологий [Foucault 1980].

Идеология у Ю. Хабермаса — это систематически искаженная форма коммуникации, директивно направляющая социальные интерпретации и оценки в узкое русло определенной системы идей. Идеология — это прежде всего инструмент манипуляции массовым сознанием, используемый доминантными политическими структурами. В глобальной идеологической борьбе за господство главным является процесс достижения победы над противоположной стороной директивно-силовыми средствами. Если нет условий для свободного от внешних и внутренних барьеров речевого выражения позиции, то нет и дискурса. Ю. Хабермас противопоставляет понятия идеологии и дискурса. Дискурс у Ю. Хабермаса возможен лишь «при равных условиях взаимной критики позиций участников коммуникативного взаимодействия» [Habermas 1991: 117].

По определению Т.А. ван Дейка, «идеологическая система состоит из культурно-исторически релевантных норм, целей и принципов, которые отобраны, соотнесены и применены таким образом, чтобы они могли поддерживать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы. В этом смысле идеология предписывает когерентность социальных оценок, что в свою очередь детерминирует социальные практики» [ван Дейк 2013: 54]. Идеологии как «комплексы идей» координируют социальные практики внутри группы в контексте взаимоотношений с участниками других групп. Идеология представляет собой «грамматику» групповых социальных практик.

Практика формирования и распространения «комплексов идей» в любых коммуникативных системах реализуется «символическими элитами». Т.А. ван Дейк не противопоставляет идеологию и дискурс, но разделяет «дискурс господства» и «критический дискурс». Если при «дискурсе господства» символическими элитами являются лояльные доминирующим структурам политики, журналисты, ученые, писатели и чиновники, то в критическом дискурсе символической элитой становятся социальные центры производства идей и смыслов.

По мнению Т.А. ван Дейка, критический дискурс-анализ (КДА), чтобы быть эффективным, должен фокусировать внимание на том, каким образом процесс дискурса вводит в действие, поддерживает, укрепляет, легитимирует, воспроизводит или отрицает существующие отношения власти и общества. Основная цель КДА – интерпретация связей разных структур дискурса с локальными и глобальными социальными контекстами.

В современном обществе коммуникация становится эффективным и часто даже опасным оружием, т.к. язык является важнейшим средством борьбы за власть. Политическая коммуникация приобретает форму информационных войн, поэтому последовательное исследование политического дискурса представляется особенно актуальным. Критический дискурс-анализ направлен на изучение средств и способов воспроизводства социального неравенства, использования языка в злоупотреблении властью и противостоянии ему. КДА призван не только объяснять процессы, происходящие в мире, но и способствовать социальным и политическим изменениям.

Современный сетевой дискурс, получивший цифровую опору распространения и развития, гораздо быстрее трансформирует основы традиционных политических систем и социально-политических отношений в сторону становления баланса коммуникативных весов. Сетевой контекст переопределяет структуру информационно-коммуникативного пространства, выравнивая его «систематическое искажение» претензиями разного рода «комплексов идей» на доминирование, снижает значимость административных форм осуществления власти и управления массовым сознанием путем разного рода диктата, предписаний и инструкций. Новые цифро-сетевые условия намечают перспективу ослабления и впоследствии отмирания принципов построения коммуникативных систем, основанных на доминировании государственных СМИ в публичном пространстве. Снижается вес директивных практик и повышается вес убеждения как инструмента влияния на ход социальной и политической практики. Социальное знание, в противовес тезису М. Фуко, становится продуктом объективации индивидуально конструируемых смыслов, возникающих через преломление событийной повестки в сетевом коммуникативном пространстве.

Успех сетевых центров коммуникации напрямую зависит от способности

быстрого реагирования на происходящие события – от производства текстов, привлекательной подачи информации (включая видео и другие образные средства) и создания мотивации на комментирование и распространение контента в сетевой публичной сфере.

Решение этой задачи зависит от насыщенности сетевой публичной сферы событийной информацией, с одной стороны, и структуры интересов аудитории – с другой.

Структура интересов аудитории определяется эмоциональными и когнитивно-рациональными факторами и варьируется от бытовых до политических вопросов. Событийно-информационное и коммуникативное пространства становятся более открытыми для социального выбора. И если информационный выбор ограничивается фактами и событиями социальной и политической реальности, то коммуникативный выбор определяется близостью, различием или противоположностью ментальных матриц общественного сознания.

Ментальные матрицы (модели) формируются как способы восприятия, репрезентации и интерпретации информации, фактов, событий, идей. Как временной результат, достигнутый на некоем биографическом этапе, ментальная модель представляет собой комплексную когнитивную систему, включающую в себя приобретенные культурно-исторические, социальные и политические знания и интерпретативные стратегии, формирующие предубеждения, мнения и оценки.

Ментальные модели складываются на пересечении социальной и политической истории общности, с одной стороны, и индивидуально-адаптивного опыта – с другой. Фактор индивидуально-адаптивного опыта не менее важен в этой модели, чем идеологический вектор социализации. Он задает направление передачи опыта последующим поколениям в семье, формирует пути интернализации общих социальных и политических установок, гарантирует их прочность при смене политических ориентиров. Позитивный индивидуально-адаптивный опыт – удачная встроенность в систему – напрямую коррелирует с твердостью закрепления установок первичной социализации. Соответственно, негативный опыт, способствующий нарастанию внутреннего когнитивно-экзистенциального диссонанса, усиливает потребность в смене социального и политического контекста. Сетевой информационно-когнитивный контекст ускоряет развитие критического сознания и усиливает ментальную готовность к смене социального статуса, материальных и нематериальных условий жизни.

Различие в сложившихся структурах ментальных матриц оказывает решающее влияние на ход сетевого дискурса. Сетевой дискурс-анализ (СДА) включает рассмотрение различных уровней дискурса. На нижнем плане отмечается неразвитость дискурсивной культуры, неспособность к ведению дискуссий, обусловленная некомпетентностью в различных областях знания и отсутствием навыков аргументирования и защиты ментальной позиции, что приводит к дискурсным конфликтам. На среднем уровне, по мере накопления знаний, умения находить аргументы и совершенствовать инструменты убеждения, происходит становление и укрепление критически-аналитического дискурса. Наконец, на высшем уровне осуществляется качественный переход к договороспособности как основному направлению развития социального и политического взаимодействия.

Дискурсные конфликты возникают не просто при расхождении мнений, а при отсутствии точек совместимости и соизмеримости ментальных матриц,

в которых «зафиксированы» предубеждения, способы восприятия и оценки фактов, событий, интерпретативные фреймы. Основная сложность сетевого дискурса – в преодолении стереотипов сознания и пробуждении мыслительных процессов. И главная задача СДА состоит в определении критических точек, в которых рождаются эти процессы, и определении путей их дальнейшего развития. Эти процессы в сетях происходят в контексте факторов, определяющих динамические изменения в цифро-сетевых средах, – попыток разного рода интересантов направить или перенаправить эти процессы в нужную им сторону. Определение критических точек требует характеристики векторов и сил давления на ментальные процессы и ресурсов противодействия. Сетевые символические элиты – политические, экономические, экспертные – не могут осуществлять политику прямого принуждения и диктата. Они лишены средств силового давления на массовое сознание за счет технологической возможности для аудитории «ухода» в другие сетевые сферы и «обхода» запретов самого разного свойства. Формы дискурсивной власти в сетевом обществе необходимо рассматривать через призму легитимации сетевой символической элиты и готовности сетевого сообщества воспринимать и принимать ее репрезентативную, аналитическую и экспертную деятельность.

Концепция сетевой власти становится основной в разработке СДА. М. Кастельс отмечает, что «власть является реляционной способностью, которая позволяет социальному актору, имеющему соответствующую возможность, асимметрично влиять на решения другого(их) социального(ых) актора(ов) желательным для его воли, интересов и ценностей образом... Реляционная способность означает, что власть – это не атрибут, но отношение... Асимметрично означает, что, хотя влияние в отношении всегда взаимно, во властных отношениях всегда существует большая степень влияния одного из акторов на другого. Впрочем, – утверждает М. Кастельс, – абсолютной власти не существует, как и нулевой степени влияния подчиняющихся власти на занимающих властные позиции. Всегда существует возможность сопротивления, ставящая под сомнение властное отношение. Более того, в любом властном отношении присутствует определенная степень согласия и принятия со стороны тех, кто подчиняется власти. Когда сопротивление и отторжение становятся существенно сильнее, чем согласие и принятие, властные отношения трансформируются: внутренние условия отношений изменяются, обладающие властью теряют ее, и, в конце концов, происходит процесс институциональных или структурных изменений, зависящий от степени трансформации властных отношений» [Кастельс 2017: 27].

Становление сетевого общества способствует трансформации представлений о должной форме социального устройства и должной форме власти. Критически-аналитический сетевой социум переосмысливает презентации событий, исходящих из сферы «власти-господства». Отношения власти и социума последовательно проходят стадии десакрализации верховной власти (как «богом данной»), делегитимации власти-господства и, как следствие, деиерархизации всего социально-политического пространства. В сетевом контексте происходит усиление факторов субъектности и самодостаточности и ослабления социальных установок на безусловное подчинение представителям власти на разных уровнях. Фактор субъектности предполагает осознание личностного права на участие в принятии решений (в т.ч. политических) или, как минимум, выработке собственного отношения к тем решениям, которые принимаются на высших уровнях власти. А фактор самодостаточности пред-

полагает формирование собственного мнения по самым различным вопросам и выстраивание стратегии личного выбора и поведения.

Процесс легитимации власти становится все более сложным. Для реализации функций контроля в сетевом обществе основания институции власти должны содержать в себе социально значимые ресурсы. Иными словами, реализация власти должна поддерживаться интересами социума. Таким образом, особую важность приобретает становление механизмов саморегулирования социального порядка вместо усиления государственных функций тотального контроля. Чем более открытыми и прозрачными для общества будут эти механизмы, тем выше шансы на сбалансированное развитие.

Сетевые формы власти – это уже не власть-господство, но власть-влияние. Но влияние может реализовываться в разных формах – манипулятивных и убеждающих. Как справедливо отмечает Т.А. ван Дейк, граница между нелегитимной манипуляцией и легитимным убеждением весьма призрачна и зависит от контекста. То, что является манипуляцией для одного человека, может не действовать на других, то, что убеждает одних, не кажется убедительным другим [ван Дейк 2013: 256]. Но что можно считать неоспоримым – это то, что главным критерием манипуляции является прямая направленность информации на интересы манипулирующего.

В современных цифро-сетевых условиях любой аспект коммуникации – социальный или политический – включает в себя коммерческую, а следовательно манипуляционную составляющую, т.к. модерирование блогосферы предписывает зависимость продвижения сайта или интернет-канала от числа просмотров, лайков, дизлайков, распространения контента. Любой производитель контента использует самые разные механизмы привлечения аудитории. Прямые и очевидные формы манипуляции характерны для коммерческой рекламы. Завуалированные формы используют разного рода мошеннические группы, об изобретательности которых постоянно предупреждают пользователей сетей. На политическом поле приемы манипуляции достаточно полно описаны и охарактеризованы. Это апелляции к эмоциям, страхам или некомпетентности публики, позитивная самопрезентация и негативная презентация оппонентов, имитации (процедуры выборов, политических дискуссий и пр.), инсталляции и декорации политических шоу, подача ложной, провокационной информации (ИПСО), выдача «законсервированной» информации за «свежую», зеркально-смысловые инверсии как стратегия самооправдания и пр. [Кузнецова 2011; Сидорова, Степанов, Лимарова 2018].

В то же время повышается уровень разборчивости сетевой аудитории в тех или иных приемах коммуникации. И успех новых сетевых центров коммуникации напрямую зависит от их способности учитывать и просчитывать возможную реакцию социума. Так, попытки привлечь внимание к тексту или видеосюжету «кричащим» зловонным заголовком, а затем представить несоответствующий контент быстро распознается искушенной аудиторией и вызывает недоверие к каналу и его отторжение в дальнейшем.

В сетевой среде возникают новые лидеры общественного мнения, набирающие свой «символический капитал». Этот концепт, введенный в научный оборот П. Бурдьё в 80-е гг. прошлого века как часть «символической стратегии» в коммуникативном процессе, изменяет свое смысловое наполнение в эру развития сетевого дискурса. П. Бурдьё использовал этот термин для характеристики социальных иерархий, в которых символические различия привязаны к должностям, статусам и официальным номинациям. «Символический капитал означает доверие, признание власти тех, кто занял соответствующее

положение» [Бурдые 1993: 149]. В критическом сетевом дискурсе происходит перераспределение символических «весов». В деиерархизированном пространстве сетевого дискурса «символический капитал» приобретает вне зависимости от официально-статусной позиции актора, выступающего с тем или иным контентом, комментарием, экспертной оценкой. «Символический капитал» становится синонимом сетевой репутации и зависит от степени убедительности экспертного текста для аудитории, объединенной схожими смысловыми позициями. Легитимирующий аспект в сетевом контексте напрямую зависит от ментальной готовности символических элит не просто находить новые способы манипуляции общественным сознанием, но способности взаимодействовать с искушенной, образованной публикой на условиях гораздо большей открытости и честности.

Сетевая коммуникация объективно способствует когнитивной рационализации публичной сферы и подготавливает становление новой ценностно-нормативной основы для действий акторов — основы здравого смысла. Возможности, предоставляемые сетями коммуникации, развивают способность гражданского общества влиять на намерения и действия государственных структур через открытые каналы интерпретации тех или иных инициатив, поступающих из различных центров принятия решений. Развитие общественной способности артикулировать, декларировать и продвигать различные интересы и ценности через сетевой дискурс является тем, что, в конечном счете, создает условия для демократизации политической системы.

Список литературы

- Бурдые П. 1993. Социальное пространство и символическая власть. — *THESIS*. Вып. 2. С. 137-150.
- Ван Дейк Т.А. 2013. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* (пер. с англ.). М.: КД «ЛИБРОКОМ». 344 с.
- Кастельс М. 2017. *Власть коммуникации* (пер. с англ.). М.: ИД ВШЭ. 591 с.
- Кузнецова Н.А. 2011. Управление политической информацией и манипуляция общественным сознанием. — *Власть*. № 11. С. 19-21.
- Сидорова Н.А., Степанов С.А., Лимарова Е.В. 2018. *Политический дискурс — языковые манипуляции*: монография. М.: ИТЦ. 178 с.
- Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977*. N.Y.: Vintage Books. xii+270 p.
- Habermas J. 1991. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. *Reason and the Rationalisation of Society*. Polity Press. 465 p.

MIKHAYLENOK Oleg Mihaylovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor; Head of the Department for Research of Social and Political Relations, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; m-oleg-m@yandex.ru)

VORONKOVA Olga Alekseevna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Leading Researcher at the Department for Research of Social and Political Relations, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; olga.voronkova1001@mail.ru)

NETWORK DISCOURSE AND POWER RELATIONS

Abstract. Network discourse, rapidly accelerating and developing due to the technological digital basis, reconstructs the entire system of socio-political relations. Network discourse-analysis is designed to answer the questions of how social network communities can change mental representations of social and political events and power relations through discourse. The dynamics of socio-political relations, in the authors' opinion, is realized in the direction from the policy of hegemony, discourse domination to negotiability both in the sphere of power and in the sphere of society. The processes of network communication objectively contribute to overcoming the trends of conservation, stagnation and rollback both in the social and political spheres and the gradual, evolutionary democratization of socio-political relations.

Keywords: network discourse, information and communicative choice, symbolic elite, mental model, transformation of power relations, power-domination, power-influence, manipulation of consciousness, legitimation of power